

Г. В. ФЕДЮНЕВА (Сыктывкар)

N-ОВЫЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ В КОНТЕКСТЕ ФИННО-УГОРСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ*

Abstract. Permic Negative Elements with *n* in the Context of Finno-Ugric Reconstructions

Among the reliably etymologized markers of negation in a number of modern Finno-Ugric (and Samoyed) languages *n*-(*n*)-elements are found that cannot be unambiguously interpreted. Most of them are the result of reception of the Russian negative particles *ne* and *ni*, but in the Permic and Ugric languages there are *n*-negations that are difficult to explain by the Russian influence. These are the element *ne*- ~ *no*- in the prefix of the Permic negative pronouns, the Komi pronoun *ni-nem*, *iem* 'nothing', the Ob-Ugric prefix of negative pronouns *ne*-/*nem*- ~ *nē*-/*nēm*-, and the Hungarian negation particles *ne* and *nem* 'no, not' having in their composition, unlike Russian borrowings, the non-palatal *n*. Hypotheses about their origin are based on two opposite points of view, namely (1) they are of Finno-Ugric (Uralic) origin, or (2) in the proto-language there was no *n*-(*n*)-negation, and these elements appeared in modern languages late and independently. An attempt is made to verify these hypotheses, first of all, from the point of view of the Permic material, which has not yet received detailed coverage, but the proto-Finno-Ugric (Uralic) reconstruction of *n*-negation directly depends on its reliability. The considered material makes it possible to doubt the presence of a common etymon not only in the Finno-Ugric proto-language, but even in its Finno-Permic or Ugric branches. More promising is the search of intra-linguistic explanations for each individual case, taking into account the powerful external influence of the Russian language. The author's version of the origin of the Permic negations is given against the background of a commented review of *n*-markers of negation in those Finno-Ugric languages, which not only borrowed Russian particles, but also formed a full series of negative pronouns under the Russian influence. In turn, this led to a partial restructuring of the Finno-Ugric strategy of negation according to the Russian model. Russian influence undoubtedly took place in the formation of Permic and Ob-Ugric negative pronouns with *n*-prefixes, at least with regard to their structure and acquisition of negative meaning, but their material source, apparently, were autochthonous intensifying particles.

Keywords: Finno-Ugric reconstruction, Permic, Ob-Ugric, negation markers, negative pronouns, borrowing.

* Исследование выполнено в рамках проекта № 8-6-6-30 «Этнокультурные процессы в циркумполярной зоне Северо-Востока Европы в железном веке и средневековье» / Программа комплексных фундаментальных исследований УрО РАН: 6. «Социально-экономические и гуманитарные проблемы развития общества».

0. Проблема

Данные современных языков позволяют визуализировать основные параметры прафинно-угорской системы отрицания. Во всех финно-угорских языках (с разной степенью сохранности) обнаруживаются следы специального отрицательного глагола с вокалической основой **e-/a-* (< ур. **e-*), который спрягался и в сочетании с основной формой смыслового глагола формировал отрицательное предложение. В отрицательной деривации использовался каритивный формант **-tt* (< ур. **-tt*), имевший значение 'лишенный чего-либо', 'не обладающий чем-либо', 'не совершавший что-либо' и т. д. Формального разграничения вербального и невербального отрицания не было, оно складывалось постепенно, в процессе становления именного и глагольного морфосинтаксиса, в том числе уже в отдельной жизни языков. Отрицательных местоимений также не было: для актуализации предикативного отрицания использовались вопросительные местоимения, которые в сочетании с разными деривационными элементами и энклитикой выполняли функции отрицательных (Основы 1974 : 294, 358; Майтинская 1969 : 263; 1979 : 228—230 и др.).

Со временем эта система менялась. В одних языках вспомогательный глагол сохранил словоизменение, передавая часть функций лексическому, в других превратился в отрицательную частицу (например, эст. лит. *ei*, манс. *at*). В большинстве современных языков лексический глагол выступает в коннегативе, но в некоторых используется или может использоваться финитная форма (Wagner-Nagy 2011 : 61).

Во многих языках появились новые средства отрицания, например, специальные маркеры бытийного отрицания как эст. *pole* 'не, нет' < *ep ole* (*ep* + *olema* 'быть'); мар. *огыл/агыл* 'не, нет' (*ok/ak* + *улаш* 'быть'); пространство получили адессивные формы отглагольных имен; в некоторых языках дериваты отрицательных глаголов превратились в префиксы (например, фин. *epä-* 'не-'); в большинстве языков усложнился финно-угорский каритивный суффикс **-tt* (например, удм. *-tem/-tek* 'не-, без-' и др.), который получил широкое распространение в системе именного и адвербиального отрицания (Honti 1997 : 81—85).

Реконструируемая для финно-угорского праязыка система отрицания в целом не вызывает возражений и не требует серьезной ревизии. Открытым остается только вопрос об *n*-овых отрицательных элементах, которые обнаруживаются в ряде современных финно-угорских языков. В большинстве своем это результат рецепции русских отрицательных частиц *не* и *ни*, но некоторые случаи не поддаются такой однозначной интерпретации. Это: 1) элемент *ne-* ~ *no-* в составе префикса пермских отрицательных местоимений; 2) коми местоимение *ńinget, ńet* 'ничто, ничего'; 3) венгерское отрицание *net, ne* 'нет, не' и 4) обско-угорский префикс отрицательных местоимений *ne/nem-* ~ *nē/nēt-*, которые (особенно элементы с конечным *n*) трудно объяснить русским влиянием.

Вопрос об их происхождении не получил окончательного решения, хотя поднимался неоднократно (Kertész 1933; Sal 1951 : 216—217; Vértés 1967 : 230—231; Rédei 1970; КЭСК 186; Основы 1974 : 295; 328, 329—330; Майтинская 1979 : 228—231; MSzFE 464—466; Honti 1997 : 163—165; Gugán 2012 и др.).

В общем виде имеющиеся гипотезы сводятся к следующему:

- 1) тот факт, что *n*-овое отрицание представлено в удаленных друг от друга ветвях (и некоторых самодийских языках¹), позволяет говорить о его финно-угорском (уральском) происхождении. Это мог быть а) специальный маркер приименного отрицания, бесследно утраченный большинством языков, или б) усилительно-выделительная частица для усиления отрицания, которая в отдельных языках стала его самостоятельным показателем;
- 2) специального *n*-(*n'*)-ового отрицания в финно-угорском праязыке не было: эти элементы в каждом из языков сформировались за счет собственных ресурсов, возможно, под чужим влиянием, или были заимствованы.

Происхождение отрицания с конечным *m* также имеет две противоположные трактовки:

- 1) оно появилось в финно-угорский период в результате соединения указательного (**n*-) и вопросительного (**m*-) местоимений. В качестве неопределенного местоимения 'что-то' конструкция использовалась для усиления отрицания, но позже в некоторых языках (или языковых ветвях) стала маркером отрицания;
- 2) отрицания с конечным *-m* имеют разное происхождение: они появились поздно, при самостоятельном развитии языков и независимо друг от друга.

В своих работах я тоже обращалась к этой проблеме (Федюнева 2008 : 319—335; 2016), но пришла к выводу, что языковой материал, привлекаемый к ее решению, недостаточно изучен. Особенно это касается пермских отрицаний, которые специально не изучались, а лишь привлекались в диахронические исследования, в основном в 1970—1980-е годы, для освещения угорского материала. Анализ новых данных показал, что реконструировать специальный показатель отрицания **n*-(*n'*-) не только для финно-угорского (уральского) праязыка, но и для одной из его ветвей — финно-пермской или угорской — невозможно; более перспективен поиск решения для каждого отдельного случая.

В статье предпринята попытка верифицировать гипотезы о происхождении *n*-овых отрицательных элементов в пермских языках и их возможных связях с угорскими. Рассмотрены три вопроса: 1) роль русского языка в формировании *n'*-(*n*-)овых отрицательных элементов в российских финно-угорских языках; 2) *n*-овые отрицательные элементы пермских языков и авторская интерпретация их происхождения; 3) *n*-овые префиксы обско-угорских отрицательных местоимений в контексте угорской реконструкции и контактов с коми языком. Работа выполнена в рамках традиционного сравнительно-исторического финно-угроведения и этимологии с привлечением отдельных данных типологических исследований.

1. Отрицательные частицы русского происхождения в российских финно-угорских языках

Начиная с первых работ по истории *n'*-(*n*-)овых отрицательных элементов в финно-угорских языках, одной из наиболее популярных версий ос-

¹ Основы 1974 : 295; Терещенко 1947 : 238—246; 1973 : 82—87; Кузнецова, Хелимский, Грушкіна 1980 : 298—299; ДСНЯ 87, Wagner-Nagy 2011 : 29, 318 и др.

тается их иноязычное происхождение (Kertész 1933; Основы 1974 : 295; Alvre 2002 :162; Blokland 2012 : 4 и др.). С этой версией трудно не согласиться, поскольку в условиях доминирующего влияния русского языка во многие российские финно-угорские языки действительно проникли русские отрицательные частицы, модели отрицательных слов и синтаксических конструкций.² Во многих сформировались специально маркированные отрицательные местоимения (включая местоименные наречия), которые так или иначе модифицировали исконный строй финно-угорского отрицательного предложения.

По типологической классификации (Kahrel 1996; Haspelmath 1997 и др.) финно-угорские языки следует отнести к языкам без так называемого отрицательного согласования. Исторически финно-угорское (уральское) отрицание было фразовым и выражалось специальной формой сказуемого. Для усиления отрицания использовались неопределенные или модифицированные дейктическими и эмфатическими элементами вопросительные местоимения (Майтинская 1979 : 228—231).

Этот тип отрицания в той или иной степени сохраняется до сих пор, однако с появлением разряда отрицательных местоимений в большинстве российских финно-угорских языков формируются предложения с множественным, или кумулятивным (ЛЭС 355), отрицанием, т. е. они становятся языками с отрицательным согласованием (Van Alsenoy, van der Auwera 2015).

1.1. Показательны в этом отношении прибалтийско-финские языки, в которых тип отрицательного предложения с единичным отрицанием в целом сохраняется. Это касается как российских (1), (2), (3), (4), так и других (5), (6) прибалтийско-финских языков:

(1) Карельский (PKC 178)³

ken-känä⁴ e-i tiija mi-ssä hiän on
кто-INDEF NEG-3SG знать.CN что-INE 3SG быть.3SG
'никто не знает, где он'

(2) Вепсский (Бродский 2008 : 180)

e-i ken tule vastha
NEG-3SG кто идти.CN навстречу
'никто не идет навстречу'

(3) Ижорский (Чернявский 2008 : 114)

hää e-i kuul-i si-tä konz-ka
3SG NEG-3SG слышать-PST это-PAR когда-INDEF
'он не слышал этого никогда'

² В ряде языков они получили довольно широкое распространение, например, в коми русская частица *не* активно участвует в отрицательной деривации прилагательных (в коми-пермяцких диалектах также причастий и деепричастий), формирует специальный отрицательный инфинитив (КПРС 226, 268—272; Цыпанов 1995). Во многих российских языках появились конструкции с русскими союзами *ни, ни...ни, не...не*, бытийным глаголом *нет, нету* и т. д. (Попова 2015 : 35; ГСУЯ 345; КарПС 116; РВС 269; Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980 : 402; Ковылин 2014 : 108; 2016 и др.).

³ Здесь и далее: в основном примеры почерпнуты из стандартных словарей и грамматик и даны в графике и орфографии источников.

⁴ Местоимения с усилительной частицей *-kana, -künä* даны в PKC наряду с *ni*-формами, например, *niken, kenkünä* 'никто' (PKC 182), хотя, вероятно, они малоупотребительны, в грамматиках не встречаются.

- (4) Водский (Агранат 2007 : 184 (46)).

miä kōnsa e-n pōlttan-nu
1SG когда NEG-1SG курить-PTCP
'я никогда не курил'

- (5) Финский (VSS 685)

hän e-i tiedä mi-tä-än
3SG NEG-3SG знать.CN что-PAR-INDEF
'он не знает ничего'

- (6) Эстонский (VES 365)

teda ei huvita mi-da-gi
3SG.PAR NEG интересоваться.CN что-PAR-INDEF
'его не интересуется ничто'

Однако в результате формирования отрицательных местоимений русского типа: кар. *niken* 'никто', *nimi* 'ничто', *nikonša* 'никогда', *nimis-sä* 'нигде', *nimistä* 'ниоткуда'; вепс. *nikuna* 'никуда', *nimidä* 'ничего', *nikut* 'никак', *nimitte* 'никакой' (Основы 1975 : 233; ГВЯ 172; РВС 269—270; Зайков 1999 : 62), в российских прибалтийско-финских языках в отличие от финского и эстонского распространение получили предложения с отрицательным согласованием: (7) и (8).⁵

- (7) Карельский (КарПС 17)

e-n lähe ni-kunne
NEG-1SG идти.CN NEG-куда
'я не пойду никуда'

- (8) Вепсский (РВС 444)

pimed om ni-mi-dä e-i nägu
темно быть.PRS.3SG NEG-что-PAR NEG-3SG видеть.CN
'темно, ничего не видно'

1.2. Аналогична ситуация в саамском языке. В западно- и северно-саамских диалектах сохраняются конструкции, в которых вербальное отрицание усилено неопределенным местоимением с эмфатической частицей (9); иногда функции стандартного отрицания берет на себя эмфатическая частица. Российские восточно-саамские диалекты, в которых сформировались отрицательные местоимения с приставкой *ńi-*, например, кильд. *ńike* 'никто', *ńimi* 'ничто', *ńimæn* 'ничего', *ńiku* 'никакой', *ńikoz* 'никуда' демонстрируют кумулятивный тип отрицательного предложения (10).

- (9) Северно-саамский (Kertész 1933 : 192)

i-n mana gosa-ge
NEG-1SG идти.CN куда-INDEF
'не пойду никуда'

- (10) Восточно-саамский (кильд.) (CPC 212)

munн ni-куэссэ тэста э-мм лийй-ма
1SG NEG-когда тут NEG-1SG быть-PTCP
'я никогда здесь не был'

⁵ К сожалению, у меня нет текстовых примеров на использование отрицательных местоимений, образованных от русских отрицательных частиц в ижорском и водском языках, хотя наличие заимствованной частицы *ńi* в них отмечалось (Айхенвальд 1978 : 112).

1.3. В языках волжской группы представлены разные стратегии отрицания.

В мордовских (эрзя и мокша) языках последовательно сохраняется реконструируемый для финно-угорского праязыка тип отрицания (11)

(11) Мордовский (РМЭС 297)

(а) Эрзя

ки-як мезе-як а соды
кто-INDEF что-INDEF NEG знать.PRS.3SG
'никто ничего не знает'

(б) Мокша

мезе-вок аф ётни тяфтак
что-INDEF NEG пройти.PRS.3SG. так
'ничто не проходит бесследно'

В функции дополнительного негатора здесь выступают неопределенные местоимения с формантами эрз. -ак, -як, -гак, -как / мокш. -вок, -га, -ге, -ке, которые употребляются и без отрицательного контекста (12а) и (12б):

(12) Эрзя (ЭРС 14)

(а) мезе-як а лис-и

что-INDEF NEG выйти.PRS.3SG
'ничего не выйдет'

(б) мезе-як ды лис-и

что-INDEF да выйти.PRS.3SG
'что-нибудь да выйдет'

Примечательно, что в северо-западных и западных эрзянских диалектах, а также в говорах мордовских диаспор Самарской, Пензенской, Нижегородской, Ульяновской и других областей зарегистрирована серия местоимений с русской приставкой *не-*, например: *н'эмэ* 'нечего' (*мэ, мэйэ* 'что'), *н'экода* 'никак', *н'экосто* 'ниоткуда', *н'экууа* 'не по какому месту', *н'экоу*, *н'экой* 'некуда', *н'эмэкс* 'незачем', *н'экосо* 'негде' и т. д. (Ермушкин 1968 : 345, 350; 1984 : 123—124; Надькин 1968 : 157, 158; Щемерова 1972 : 17; Агафонова 1983 : 18). Например:

(13) Эрзя (Ермушкин 1984:124)

(а) не-мезе максомс тейть

NEG-что давать.INF 2SG.DAT
'нечего дать тебе'

(б) не-ки-нень модемс панг-с

NEG-кто-DAT идти.INF гриб-ILL
'некому идти за грибами'

В других эрзянских говорах и в литературном языке им соответствуют вопросительные местоимения со стандартным негатором *а* 'не': *н'екин' ~ а кин'* 'некого'; *н'емезе ~ а мезе* 'нечего'; *н'еков ~ а ков* 'некуда' и т. д.

Марийский (луговой и горный) язык, в отличие от мордовского, имеет морфологический разряд отрицательных местоимений, образованных от вопросительных с помощью префикса *ñi-*, этимологически не связанного с другими средствами отрицания, например: марЛ *нигö*, марГ *нигү* 'никто' (*кö/кү* 'кто'); марЛ *нигудо*, марГ *нигыды* 'никто' (*кудо/кыды* 'который'); марЛ *нигöн*, марГ *нигүн* 'ничей' (*кöн/күн* 'чей'); марЛ *нимо*, марГ *нима*, *нимат* 'ничто' (*мо/ма* 'что'); марЛ *нимон*, марГ *ниман*, *ниманат* 'ничей' (*мон/ман* 'чей'); марЛ *нимыняр*, марГ *ниманяр* 'нисколько' (*мыняр/маняр* 'сколько'); марЛ *нимогай*, марГ *нимахань* 'никакой' (*могай/махань* 'какой'); марЛ *нигушто*, марГ *нигышты* 'нигде,

негде' (*кушто/кышты* 'где'); марЛ *нигунам*, марГ *нигынам* 'никогда' (*кунам/кынам* 'когда'); марЛ *нигузе*, марГ *нигыце* 'никак' (*кузе/кыце* 'как'). Наличие их в предложении облигаторно требует использования других средств отрицания:⁶

(14) Марийский

(а) Лугово-марийский (Игнатьева 2005 : 91)

туд-лан тешла ни-мо о-к кӱл
3SG-DAT теперь NEG-что NEG.PRS-3SG требоваться.CN
'ему теперь ничего не нужно'

(б) Горно-марийский (СГМЯ 171)

ни-гӱ-м уж-делам
NEG-что-ACC видеть-NEG.PST.1SG
'я никого не видел'

Современный марийский язык знает только кумулятивный тип отрицательного предложения, хотя в прошлом оно могло иметь другую структуру. Косвенно на это указывает этимология слова *иктат* 'никто, ничто' (< *ик*, *икте* 'один' + частица *-ат*). Будучи изначально неопределенным местоимением (ср. *иктаж* 'кто-либо'), оно использовалось для усиления фразового отрицания, а затем полностью приняло функции отрицательного местоимения:

(15) Лугово-марийский (СМЯ 223)

иктат о-к уж
никто NEG.PRS.-3SG видеть.CN
'никто (букв. один даже) не видит'

1.4. По типологической классификации пермские (удмуртский, коми-зырянский и коми-пермяцкий) языки, как и марийский, относятся к языкам отрицательного согласования. В них, как и в марийском, имеется разряд специальных отрицательных местоимений, образованных от вопросительных с помощью префиксов коми *ӱе-*, *ӱи-*, удм. *по-*, *ӱе-*: комиЗ *некод* 'никто'; комиП *некин* 'никто', *некӱда* 'ни тот, ни другой'; удм. *нокин*, диал. *некин* 'никто'; *номыр*, *нема*, *немаин* 'ничто, ничего', *нокудзы* 'никоторый'. Они употребляются только в отрицательных предложениях (16), (17), в том числе эллиптированных.

(16) Коми

(а) коми-зырянский (КРС 422)

не-код нинӱм йылысь э-з юась
NEG-кто ничто о NEG.PST-3SG спрашивать.CN
'никто ни о чем не спрашивал'

(б) коми-пермяцкий (КПРС 270)

не-кыдз о-г вермы онмӱссьы-ны
NEG-как NEG.PRS-1SG мочь.CN уснуть-INF
'никак не могу заснуть'

(в) коми-язьвинский (Лыткин 1961 : 66)

лун-тӧр и-з суюй ни-май
день-полный NEG.PST-3SG есть.CN NEG-что
'весь день (он, она) не ел(а) ничего'

⁶ О семантике и синтаксисе марийских отрицательных местоимений: Сибатрова 2004.

(17) Удмуртский (УРС 298)

нено-кин но ѓ-з лыкты
NEG-кто PTCL NEG.PST-3SG приходить.CN
'(совсем) никто не пришел'

Как и марийские, пермские местоимения по структуре и семантике соответствуют русским отрицательным местоимениям с частицами *не* и *ни*. Процесс перманентного влияния русского языка на формирование этого разряда местоимений хорошо прослеживается и сегодня.⁷

Вместе с тем в их составе есть элементы, происхождение которых будет разъяснено позже (п.2). Здесь же отметим, что рецепция русских конструкций пермскими языками происходила в период их отдельной жизни и, соответственно, имела свои особенности. В частности, в удмуртском языке под тюркским влиянием получили распространение отрицательные конструкции с усилительной частицей *по* 'да, же' вроде *ненокин но* 'никто'. Аналогичные конструкции с частицей *ат*, *ѓт* 'также' представлены в марийском (*неко*, *некоат* 'никто') и чувашском с частицами *та*, *те* (*нимѓн те сук* 'ничего нет'; *нистан та мар* 'ниоткуда') языках (об этом Серебренников 1971). Чувашские отрицательные местоимения с приставкой *ни-* также являются полукальками с русских соответствий.

1.5. В обско-угорских языках представлены разные стратегии отрицания, что неудивительно при их диалектной и географической раздробленности. В отрицательных предложениях хантыйских диалектов⁸ для усиления отрицания используются разные структурные элементы.⁹ Среди них выделяются по крайней мере три типа местоимений, участвующих в отрицательных конструкциях основных диалектных ареалов.

В восточных диалектах нет специальных, морфологически оформленных отрицательных местоимений. В их функции выступают неопределенные, которые обычно сопровождаются усилительной частицей *-ре* (*-пэ*). Они используются как отрицательные только в сочетании с другим отрицательным элементом, например (18а), т.е. формируют предложения с единичным отрицанием (Ковылин 2014 : 108, 111).

В западной диалектной зоне имеется специальный разряд отрицательных местоимений, образованных с помощью префикса *не-/нет-*, например, шурыш. *нэмулты* 'ничто, ничего' (*мулты*, *мотты* 'что-то, что-либо'), *нэмхоят* 'никто' (*хоят* 'кто-то', *хой* 'кто'). Соответственно, здесь распространены предложения с множественным, или кумулятивным, типом отрицания (18б, в).

⁷ Так, в ижемском диалекте коми-зырянского языка и коми-язьвинском наречии, испытавшим наиболее сильное русское влияние, *е*-овой огласовке других диалектов соответствует устойчивая *и*-овая огласовка: комиЗ *никод* 'никто', *никутиэм* 'никакой', *никудз* 'никак', *никор* 'никогда'; комиЯ *никин* 'никто', *нимай* 'ничего', *никудик* 'никоторый' (ССКЗД 241; Лыткин 1961 : 75). В удмуртских диалектах наряду с приставкой *по-* зарегистрированы *не-*: удм. бес. *некинъ* 'никто', нч. *немыр* 'ничего, ничто' и *ни-*: кукм. *нинокинъ* 'никто', *нинокызъы* 'никак' (Кельмаков 1998 : 139).

⁸ Современные хантыйские диалекты условно объединяются в два диалектных массива — западный (приуральский, казымский, шурышкарский, березовский, шеркальский, низямский) и восточный (ваховский, васюганский, сургутский диалекты), отмечается их значительная неоднородность (Каксин 2010 : 10).

⁹ Анализ форм и функционирования отрицательных конструкций в хантыйских диалектах: Vértés 1967 : 176—188, 230—231, табл. XLVI.

Наконец, особый структурный тип отрицательных местоимений представлен в иртышско-кондинских хантыйских говорах.¹⁰ Они образованы от основ неопределенных и вопросительных местоимений с помощью частицы *aj*:¹¹ *aj-χǫja* (*χǫja* 'кто-то') 'никто', *aj-χип* (*χип* 'когда') 'никогда', *aj-məttz* (*məttz* 'что, что-то') 'ничто' (Paasonen 1926 : 22; Vértés 1967 : 184; Основы 1976 : 320). В составе отрицательного предложения они, как и восточно-хантыйские соответствия, часто сопровождаются частицей *-pe* (*-nə*), образуя дополнительный центр усиления отрицания (18г).

(18) Хантыйский

(а) вост. вах. (Терешкин 1961 : 73, 80)

äl näl-m-ä nēñ-äñä qojy-nə äñtə jö-väl

NEG бояться-IMP 2SG-ALL кто-INDEF NEG приходить-PRS.3SG

'не бойся, к тебе никто не придет'

(б) сев. шурыш. (ДСХЯ 86)

lǫv nə-məlt äñt ýastə-s

3SG NEG-что NEG говорить-PST.3SG

'он ничего не ответил'

(в) сев. казым. (ДСХЯ 86)

nə-məltы vux tāta äñtəm

NEG-какой деньги тут NEG

'никаких денег здесь нет'

(г) конд. (Vértés 1967 : 186)

ej-metta-pa endam

NEG-что-INDEF NEG

'ничего нет'

В мансийском языке традиционно выделяются четыре группы диалектов: северная, западная, восточная и южная. Западные, восточные и южные манси к настоящему времени ассимилировались и утратили родной язык. Сохраняется северная группа мансийских говоров, которые легли в основу современного литературного языка (Ромбандеева 2017 : 5, 60). Однако благодаря МРС можно сравнить элементы, участвовавшие в отрицательных конструкциях в северных (преимущественно сосьвинском) и в одном восточном (кондинском)¹² диалектах.

В северной группе отрицательные местоимения представлены приставкой *ne-/net-*, они являются полным структурным аналогом северно-хантыйских (18б, в), например: *нёмхётпа* 'никто', 'никого', *нёмхотты* 'никто', 'некоторый', *нёматыр* 'ничто', *нёматырсыр* 'никакой', *нёматах* 'ни сколько (не иметь)' и др. (Ромбандеева 2017 : 127).

В кондинском диалекте им соответствуют местоимения, образованные с помощью отрицательной частицы *ä'ti* — маркера стандартного отрицания, ср., сев. *нэмат* (*мата* 'который') / конд. *ат'инär* (*нär* 'что, какой') 'никакой'; сев. *нэматыр* (*матыр* 'что-то') / конд. *ат'инär*, *ä'tinär* (*нär*, *нэснär* 'что, что-то') 'ничто, ничего'; *нэмхот* / *ä'tixot* (*хот* 'где') 'нигде'; *нэмхотмус* (*хумус* 'как') / *ä'tixeml'al* (*хемл'ä* 'как') 'никак'; *нэмхотпа*, *нэмхоттют* (*хотпа*, *хоттют* 'кто-то') / *ä'tixөннär* (*хөннär* 'кто-то, некто') 'никто'; *нэмхотталь* /

¹⁰ Иртышско-кондинские говоры вместе с другими территориально разобщенными группами исчезающих южных диалектов рассматриваются в составе западного диалектного массива, хотя имеют существенные отличия (Каксин 2010 : 10).

¹¹ Считается, что частица *aj* восходит к числительному 'один' (Paasonen 1926 : 21—22; Vértés 1967 : 184).

¹² В МРС кондинский диалект представлен как «южно-мансийский», видимо, с учетом его расположения по отношению к северо-мансийскому (сосьвинскому) диалекту в пределах Ханты-Мансийского автономного округа.

ä't'ixōttäl' (хōтталь 'куда-нибудь') 'никуда, некуда'; нэмхуньт/ä't'ихун (хуньт/хунт 'когда-то, когда-нибудь') 'никогда' и т. д. (МРС 67).

В обоих регионах представлен кумулятивный тип отрицательно-го предложения с участием местоимений.¹³

(19) Мансийский (МРС 19)

(а) сев. сосьв.

тит нэм-хот-па атим рутмахм-ан-ум ос атим-ыт
тут NEG-кто-то NEG родня-PL-POSS.1SG. тоже NEG-3PL
'здесь никого нет, мои родственники тоже отсутствуют'

(б) вост. конд.

тэт ä't'u-хөннär ä't'эм ротхар-än-эм äс ат'эм-т
тут NEG-кто-то NEG родня-PL-POSS.1SG. тоже NEG-3PL
'здесь никого нет, мои родственники тоже отсутствуют'

Несмотря на предсказуемое разнообразие моделей в обско-угорских языках, наиболее архаична восточно-хантыйская (18а), ее следы обнаруживаются и в других диалектных зонах (Vértes 1967 : 179). Хантыйские иртышско-кондинские с частицей *aj* (18г) и восточно-мансийские кондинские с частицами *ä't'u*, *ат* (19б) также образованы по исконной финно-угорской модели.

Отрицательные местоимения с префиксами *ne-/net-* являются спецификой северно-хантыйских (18б, в) и северно-мансийских (19а) диалектов, причем происхождение *n*-ового отрицательного форманта остается неясным. О нем речь пойдет в разделе, посвященном верификации гипотезы о финно-угорском происхождении *n*-овых показателей отрицания в пермских и обско-угорских языках (п. 3).

Таким образом, функционирование *n*-овых отрицательных элементов в современных российских финно-угорских языках не оставляет сомнений в их не исконном происхождении. Очевидно, что они — результат позднего русского влияния, которое выразилось не только в заимствовании элементов, но и в калькировании отрицательных конструкций и деривационных моделей, что, в свою очередь, привело к появлению в большинстве языков специального разряда отрицательных местоимений и реинтерпретации исконной стратегии отрицания по русскому образцу. Сегодня изоглосса местоимений с префиксами *ne* и *ni*, с одной стороны, объединяет российские финно-угорские языки, давно не контактирующие между собой, а с другой, отдаляет их от других финно-угорских, в том числе близкородственных, языков. Нельзя не согласиться с М. Кертес (Kertész 1933 : 199), что последовательная рецепция чужих отрицательных элементов объяснима недостаточной экспрессивностью собственных средств для усиления вербального отрицания.¹⁴ Думаю, что не послед-

¹³ По-видимому, он был представлен и в других южных и восточных говорах, об этом свидетельствуют слова *at-mär* (*mär* 'что'), *ät-mär*, *äx-ñoxor*, *ä-ner* 'ничто'; *at-khankhä* 'никто' (*khankhä* 'кто'), *ät-khankhä*, *äx-khan*, *ä-khan* 'никто' (Fincziczky 1930 : 396). К сожалению, не удалось найти текстовых примеров, но местоимения интересны тем, что демонстрируют внутреннее стремление языка, в котором почти полностью завершился процесс партикуляции отрицательных глаголов, к образованию настоящих отрицательных местоимений собственными средствами.

¹⁴ Это согласуется с утверждением У. Вайнрайха, что при взаимодействии грамматических моделей разных языков побеждает более эксплицитная, ярко выра-

ную роль сыграла и прозрачная структура русских отрицательных местоимений,¹⁵ позволяющая в условиях билингвизма использовать русские частицы как готовые маркеры отрицания. Рецепция отрицания «по русскому типу» происходила в отдельной жизни российских финно-угорских языков и, конечно, индивидуальными путями. Об этом свидетельствуют различия в калькировании чужих образцов.

Как известно, в русском языке представлены две разные функционально-семантические группы местоимений: с приставкой *ни-* (*никто, ничто, никакой, никак, ничей, нисколько, никогда, нигде, никуда, ниоткуда*) и приставкой *не-* (*некого, нечего, негде, некуда, неоткуда, некогда, незачем*).¹⁶ Первая рассматривается как собственно отрицательные местоимения, вторая как неопределенно-отрицательные или неопределенные местоимения. Словоформы с частицей *не-* не требуют отрицательного контекста. В качестве члена составного именного сказуемого в сочетании с бытийным глаголом или зависимым инфинитивом они выражают нежелательность, ненужность, невозможность реализации того или иного действия или события, но не его полное отрицание: *незачем об этом думать, нечего было надеть, некуда пойти* и т. д. Словоформы с частицей *ни* в сочетании с вопросительными местоимениями употребляются только в отрицательных предложениях (за исключением случаев лексикализации типа: *ты мне никто; а она ничего* и т. д.). Местоимения с *ни-* функционируют как номинативные единицы, с *не-* (за исключением таких, как *некто, некий, некоторый*) как безлично-предикативные (о русских местоимениях см. Падучева 2017).

Российские прибалтийско-финские языки и саамские диалекты усвоили только частицу *ни* в качестве маркера собственно отрицательных местоимений (7), (8), (10); русским безлично-предикативным отрицательным местоимениям с частицей *не* соответствуют исконные конструкции (20), (21).

(20) Карельский (PKC 106)

e-i mi-tä kajehti-e
NEG-3SG что-PAR завидовать-INF
'ничего завидовать'

(21) Вепсский (PBC 262)

e-i ole ke-da värit-ada
NEG-3SG быть.CN кто-PAR винить-INF
'некого винить'

женная, которой в условиях развитого двуязычия социум отдает предпочтение. «Это правило действует не только при возникновении новых категорий, но и при тех обусловленных контактом изменениях, когда появляется новый ряд формантов для выполнения уже существовавших и раньше в данном языке грамматических функций» (Вайнрайх 1979 : 11).

¹⁵ Состоящие из вопросительных местоимений и отрицательных частиц, русские местоимения сохраняют формальную незавершенность, что особенно заметно при расчленении их предлогом (*не у кого взять*). Недостаточная оформленность, а также склонность к предикативности и лексикализации с различными модальными коннотациями позволяют считать их словосочетаниями (Ермакова 2010).

¹⁶ Обе частицы были представлены в общеславянском праязыке (рус. *не* < праслав. **ne*, **ně*; рус. *ни* < праслав. **ni*) и уже тогда могли сочетаться с вопросительными местоимениями для выражения неопределенности или негативности (ЭССЯ; Willis 2013 : 341—398).

Некоторые мордовские говоры, напротив, калькировали русские местоимения-предикативы с *не-* (13), при этом основной тип стандартного отрицательного предложения в говорах сохраняется. В литературном языке и большинстве диалектов в обоих значениях русских местоимений используются собственные средства отрицания.

Пермские и марийские отрицательные местоимения с приставками (коми *не-*, диал. *ни-*; удм. *но-*, диал. *не-*, *ни-*; мар. *ни-*, диал. *ны-*) соответствуют обоим разрядам русских местоимений: одна форма используется как отрицательное и как неопределенно-отрицательное местоимение, (22), (23), (24).

(22) Коми

(а) *не-кор э-н босьт*
NEG-когда NEG.PRS-2SG. взять.CN
'никогда не бери'

(б) *сёй-ны не-кор*
есть-INF NEG-когда
'поесть некогда'

(23) Удмуртский (УРС 298)

(а) *но-мыр у-г вера*
NEG-что NEG.PRS-2SG говорить.CN
'он ничего не говорит'

(б) *но-мыр кары-ны*
NEG-что делать-INF
'ничего делать'

(24) Марийский (СМЯ 37, 333)

(а) *ни-мо-м о-м ойло*
NEG-что-ACC NEG.PRS-1SG говорить.CN
'ничего не скажу'

(б) *ни-мо-м ышт-аш*
NEG-что-ACC делать-INF
'ничего делать'

Аналогично ведут себя и северно-обско-угорские соответствия, например, хант. казым. *нэмхулта* 'никуда' и 'некуда'.

Марийские и пермские отрицательные местоимения, в отличие от русских, обладают высокой степенью цельнооформленности, о чем свидетельствуют случаи озвончения начального согласного основы после присоединения приставки, например, мар. *нигудо* 'никто' < *кудо* 'кто'; *нигунар* 'нисколько' < *кунар* 'сколько'; удм. круф. *ногин* 'никто' < *кин* 'кто'; *ногъчэ* 'никакой' < *кэчэ* 'какой' (Насибуллин 1978 : 100). Не последнюю роль при этом играет их образование префиксальным путем, что не характерно для финно-угорских языков.

Этот во многом уже известный материал приведен мной, чтобы на его фоне четче выделить те *п-*овые элементы отрицания, которые непосредственно не выводятся из русского языка, а могут быть результатом собственного развития и/или какого-то иного влияния.

2. *п-*овые отрицательные элементы пермских языков

2.1. Удм. *но-* ~ коми *не-* в составе префикса отрицательных местоимений

Особую проблему представляет удмуртский префикс *но-*, функционально соответствующий коми *не-* (диал. *ни-*), заимствованному из русского языка: удм. *нокин*, *нокуд* ~ коми *некод*, диал. *некин* 'никто'; удм. *нокытын* ~ коми *некытён* 'нигде, негде'; удм. *ноку* ~ коми *некор* 'никогда, некогда' и т. д., примеры (25), (26).

(25) Удмуртский (РУС 220)

но-кытчы у-г мыны
NEG-куда NEG.PRS-1SG идти.CN
'никуда не пойду'

(26) Коми

не-кытчö о-г мун
NEG-куда NEG.PRS-1SG идти.CN
'никуда не пойду'

По мнению Б. А. Серебренникова, это тоже русское заимствование, но «на удмуртской почве *ne-* превратилось в *no-*» (1963 : 211). В. И. Лыткин, напротив, считал эти частицы исконными, поскольку регулярное соответствие коми *e* > удм. *o* — древний процесс, который имел место задолго до встречи пермян с русскими. Наличие же аналогичной частицы в индоевропейских языках он объяснял доуральскими контактами финно-угров с индоевропейцами (Лыткин 1995 : 61; КЭСК 186). Однако влияние русского языка здесь вряд ли можно отрицать, во всяком случае касательно словообразовательной структуры местоимений.¹⁷ С другой стороны, однозначно говорить о русском заимствовании не позволяют диалектные данные, а именно: префикс *ñine-/ñine-*, с помощью которого в некоторых коми диалектах образуются отрицательные местоимения, например, скр. *нинёкод*, уд. *нинёкодi*, вв. *нинэкод* 'никто', скр. *нинёкодар*, уд. *нинёкодор* 'никоторая сторона', скр., уд. *нинёкодныд* 'никоторый из вас', скр., уд. *нинёкор* 'никогда', вв., уд. *нинэкор* 'никогда', скр., уд. *нинёкөн*, вв. *нинэкөн* 'нигде', скр., сс., уд. *нинёкутшöм*, вв. *нинэкутшöм*, скр. *нинёкыдз*, уд. *нинёкудз* 'никак', скр., уд. *нинёкысь* 'ниоткуда', скр., уд. *нинёкытi* 'ни по какому месту' и т. д. (ССКЗД 237).

Очень похожее плеонастическое образование *непо-* зарегистрировано в удмуртских диалектах: бес. *некинь/нокинь/ненокинь* 'никто', *нокудиз/ненокудиз* 'ни тот, ни другой', нч. *немыр/неномыр* 'ничего, ничто' и литературном языке: разг. *ненокин* 'никто', *ненокуд* 'никто', *ненокөня* 'нисколько', *ненокытын* 'нигде', *ненокытысен* 'ниоткуда' и т. д. В кукморском диалекте приставка имеет *и-*овую огласовку: *нинокинь* 'никто', *нинокызы* 'никак' (Кельмаков 1998 : 139).

Видимо, префиксы *ñine-/ñine-* ~ *ñeno-/ñino-* могут быть рассмотрены в одном контексте, по крайней мере, этимологи не исключают этого (КЭСК 192). В их структуре выделяются сопоставимые элементы: префиксы *ñe-* ~ *ñi-*¹⁸ и компонент *ne-* ~ *no-*¹⁹, который как регулярное фонетическое соответствие может быть возведен к общему источнику. Но к какому?

К. Е. Майтинская считала удм. *no* рефлексом финно-угорской отрицательной частицы, восходящей, в свою очередь, к *n-*овому уральскому местоимению, которое, подобно другим указательным местоимениям,

¹⁷ Пермские языки не знают префиксального словообразования, например, в коми языке выделяются только два префикса: *e-* в указательных местоимениях типа *тайö — этайö* 'этот — (вот) этот', который является русским заимствованием (Федунева 2008 : 108—111), и префикс суперлатива прилагательных *med-* (типа *медыджыд* 'самый большой'), являющийся кванторным словом *мед*, *медся* 'самый'.

¹⁸ Это русские заимствования или, если угодно, русифицированные элементы в обоих языках.

¹⁹ В среднезападных и некоторых южных удмуртских говорах префикс имеет форму *ne-*: *нёкин*, *нёкытын*, *нёкызы*, *нёкөня* и т. д. (Кельмаков 1998 : 139).

могло использоваться для выделения или усиления смысловых оттенков предложения, в том числе, отрицательного. Постепенно оно специализировалось как усилитель отрицания, а затем превратилось в отрицательную частицу (Майтинская 1979 : 229—230; 1982 : 146 —148).

По мнению авторов MSzFE, напротив, слова с **n* в финно-угорский период и даже позже не могли быть отрицательными, отрицание выражали специальные глаголы. Элемент *ne* ~ *no* в общепермское время был еще основой указательного местоимения (ур. **nä* > коми *na*, *naje* 'они, эти', фин. *nä-mä* 'эти' и т. д.), а отрицательную коннотацию приобрел в отдельной жизни пермских языков под русским влиянием (MSzFE 465).

Приведенные версии убеждают типологичностью, поскольку формирование усилительных частиц из первичных дейктических корней, как и формирование неопределенных и отрицательных местоимений из интеррогативов и эмфатических частиц — процесс естественный и весьма распространенный (Майтинская 1979 : 125—126; Haspelmath 1997 : 157—164). Вопрос в хронологизации явления. Очевидно, что для реконструкции *n*-ового отрицания в финно-угорском и даже финно-пермском языке недостаточно материала. Он ограничен пермскими языками, точнее, рассматриваемым элементом, который может быть возведен к хронологически более близкому источнику — общепермской частице.

Из имеющихся в современных языках *n*-овых частиц²⁰ только две — коми *na* ~ удм. *na* 'еще' (< **na*) и коми *ñin*, *ñi*, *ni* 'уж, уже' ~ удм. *ñi*, *ini* 'уже' (< **ñi*) — уверенно реконструируются для общепермского периода (КЭСК 185, 192; Серебренников 1963 : 380). Однако их преобразование в маркер отрицания имеет фонетические и семантические препятствия.

В качестве непосредственного диахронического источника, на мой взгляд, могут быть рассмотрены частицы: коми *ne* 'же', 'все же', 'разве' и удмуртская *no* 'же, тоже, даже, и, только' (СКЯ 281; ГСУЯ 343).

В современном коми языке частица *ne* имеет два четко выраженных значения: в постпозиции к вопросительным местоимениям — усилительное (27а), в обще-вопросительных (27б), в том числе отрицательных (27в) предложениях — уточняющее:

(27) Коми (СКЯ 277, 281; КРС 436)

(а) *кор нӧ ми мун-а-м?*
когда PTCL 1PL идти-FUT-1PL
'когда же мы пойдем?'

(б) *тэ нӧ чечч-и-н нин?* (в) *тэ нӧ э-н на аддзыв?*
2SG PTCL встать-PST-2SG PTCL 2SG PTCL NEG.PST.-2SG. PTCL видеть-CN
'разве ты встал уже?' 'разве ты ещё не видел?'

Удмуртская частица *no* также имеет усилительное (28а) и выделительно-ограничительное (28б) значения; в отрицательных предложениях с вопросительными местоимениями придает оттенок утверждения (28в), с отрицательными — усиление отрицания (28г).

²⁰ Здесь надо исключить русские заимствования или «русское влияние» на формирование *n*-овых частиц типа коми присоединительной частицы *ñi* (← рус. *ни*), отрицательных *ñe*, *ñi* (← рус. *не*, *ни*), выделительных *no* (← рус. *ну*) и *ing*-, *ne*- 'ли-бо, тогда, в таком случае' (← рус. *ино*, КЭСК 109; иначе Серебренников 1963 : 381).

(28) Удмуртский (ГСУЯ 340-341, 181)

- (а) *мон но озьы ик малпа-ськ-о*
1SG PTCL так PTCL думать-PRS-1SG
'я тоже так думаю'
- (б) *кытысь но Москва-е калык у-г лыкты*
откуда PTCL Москва-ILL народ NEG.PRS-3SG прибывать.CN
'откуда только в Москву народ не приезжает'
- (в) *инм-ын одйг кизили но өвёл*
небо-INE один звезда PTCL нет
'на небе ни одной звезды нет'
- (г) *но-ку но у-г вунэты*
NEG-когда PTCL NEG.PRS-1SG забыть.CN
'никогда не забуду'

Обе частицы в качестве базового имеют усилительно-выделительное значение,²¹ но различаются функциями. Коми частица используется исключительно в вопросительных — как положительных, так и отрицательных — предложениях. Удмуртская имеет широкий спектр функций, но наиболее последовательно используется в отрицательных предложениях как усилитель отрицания.²²

К. Е. Майтинская (1982 : 126) пишет о возможной этимологической близости этих частиц, отмечая, что коми частица в прошлом могла иметь более широкое применение. Однако возводить их к частице с широкими функциями нет особой необходимости. Современный материал хорошо визуализирует в качестве общего источника *n*-овую усилительно-выделительную частицу, которая ко времени распада общепермского праязыка еще выступала как таковая, поскольку и сегодня в обоих языках используется для выделения отдельных слов как в положительном, так и отрицательном контекстах (ГСУЯ 340; СКЯ 277). Позже в коми языке она специализировалась как усилитель вопроса, в том числе при отрицании, в удмуртском — как усилитель отрицания, хотя используется и вне отрицательного контекста. Эта специализация хорошо прослеживается в (29), где обе частицы в составе вопросительных отрицательных предложений выступают в усилительно-выделительной функции.

(29) (а) Удмуртский (ГСУЯ 181)

- номыр но ө-з вера?*
ничего PTCL NEG.PST-3SG сказать.CN
'он даже ничего не сказал?'

(б) Коми

- мыйла нӧ нинӧм э-з шу*
почему PTCL ничего NEG.PST-3SG сказать.CN
'почему же он ничего не сказал?'

²¹ Ср. мордовскую частицу *па*, которая обладает «четким усилительно-выделительным значением»: мокш. *козы-на* 'куда же', *кодама-на* 'какой же' (Майтинская 1989 : 210).

²² Коммуникативно-дискурсивный аспект функционирования этих частиц в современных языках здесь не рассматривается. О функциях удмуртских (бесермянских) клитик, в том числе с *n*-овой основой, их позиции в клаузах и типологии клитических кластеров: Arkhangelskiy 2014.

Дальнейшее развитие удмуртской частицы, видимо, произошло позже и не без тюркского влияния: функции, отсутствующие у коми частицы, полностью совпадают с функциями татарской частицы *да/де* (Серебренников 1971 : 190).

Коми частица не стала полноценным маркером отрицания. Благодаря рус. *ни*- она формально сохранилась в составе диалектного префикса отрицательных местоимений, но была нивелирована поздним русским влиянием и полностью утрачена. Промежуточный этап процесса сохранился в одном из удорских говоров, где префикс имеет форму *ниг*-: *нигкод* 'никто', *нигкөн* 'нигде', *нигкор* 'никогда' (ССКЗД 242). Любопытно, что соответствующие местоимения верхневычегодского диалекта имеют усилительно-отрицательное значение: *нинэкод* 'абсолютно никто', *нинэкутиём* 'абсолютно никакой'; 'совсем, совершенно': *нинэкутиэм оз тёд* 'совершенно ничего не знает' (ВВД 98).

Итак, пермская частица, из которой сформировался удмуртский префикс отрицательных местоимений *но*- и реликтовый элемент *не*- в составе коми префикса *ning-/nine*-, даже к концу общепермского периода не была отрицательной.

2.2. Коми слово *ningm* 'ничто, ничего'

Важным аргументом в пользу реконструкции *n*-ового отрицания в финно-пермской ветви служит коми слово *ningm* 'ничто, ничего', хотя ему нет соответствия в удмуртском языке. В его составе выделяют префикс *ни* (← рус. *ни*) и элемент *net*, который сравнивают с венг. *net* 'нет, не' и обско-угорскими префиксами отрицательных местоимений хант. *net*-, манс. *nēt*-, предполагая общий диахронический источник. Начиная с Rédei 1970, таковым считается частица из **n* (< **nā* 'то') и **m* (< **mz* 'что'), которая уже в финно-угорском языке могла выступать как усилительная, а в предложениях с отрицательным глаголом использовалась для усиления отрицания. В этой функции она получила развитие в угорской ветви, где, видимо, уже в угорский период приобрела отрицательное значение. На основе этой частицы в обско-угорских языках сформировались префиксы отрицательных местоимений, а в древневенгерском развилось отрицание 'нет, не', которое с утратой финно-угорского отрицательного глагола стало общей отрицательной частицей. Первоначальное значение коми *net* 'что-то' получило отрицательную коннотацию под влиянием частицы *ни*, заимствованной из русского языка (MSzFE 465; Основы 1974 : 330; Майтинская 1979 : 229—230; Honti 1997 : 164 и др.).

Гипотеза не кажется мне безупречной прежде всего касательно включения в этот ряд коми слова (о его нетривиальной структуре и обособленности в системе местоимений коми языка см. Федюнева 2008 : 327—329; 2016). Кроме того, недостаточно убедительна хронология его формирования. Странно, что в коми языке сохранилось финно-угорское неопределенное местоимение **net* 'что-то', хотя в общепермское время уже существовала серия вполне сформировавшихся неопределенных местоимений с усилительной частицей *-ke* ~ *-ke* (< общеперм. **k*), например, коми *mijke* ~ удм. *take* 'что-то' (Федюнева 2008 : 296—297).

Более того, общеперм. (< ф.-у.) **net* должно было сохраниться в коми языке вплоть до встречи коми с русскими (по крайней мере, до XII в.), а затем попасть под процесс формирования отрицательных местоимений по русской модели. Однако структура слова *ńinget* отличается от типовой структуры отрицательных местоимений (*некод* 'никто', *некор* 'никогда', 'некогда', *некӧн* 'нигде, негде'): оно имеет *i*-овую огласовку префикса, присоединенного к неопределенному местоимению, а не вопросительному (как вся серия).

Особое происхождение *ńinget* отметили авторы КЭСК, предположив, что оно связано с диал. *нымӧн* 'едва, чуть, кажется, как будто' (< общеперм. **nit* 'чуть, мало'), т. е. *нинӧм* первоначально означало 'ничуть' (КЭСК 196). Однако эта версия только подчеркивает несистемность его образования.

В системе отрицательных местоимений коми языка, объединенных в семантические и словообразовательные ряды типа *код* 'кто' — *кодкӧ* 'кто-то' — *некод* 'никто', *кор* 'когда' — *коркӧ* 'когда-то' — *некор* 'никогда' и т.д., местоимение со значением *ничто* под давлением этой системы должно было выглядеть как *мый* 'что' — *мыйкӧ* 'что-то' — **немый* 'ничто'. Вопреки ожиданиям, на месте последнего компонента имеем этимологически темное слово, тогда как в удмуртском, коми-пермяцком языках и коми-язьвинском наречии триада выглядит вполне тривиально: удм. *ма*, *мар* 'что' — *маке*, *марке* 'что-то' — *нема*, *немар*, *номыр* 'ничто'; комиП *мый* 'что' — *мыйкӧ* 'что-то' — *немый* 'ничто'; комиЯ *май*, *мӧй* 'что' — *майкӧ*, *мӧйкӧ* 'что-то' — *нимай* 'ничто' (30), (31), (32):

(30) Удмуртский (УРС 298, 302)

не-мар у-д кары
NEG-что NEG.PRS-2SG делать.CN
'ничего не поделаешь'

(31) Коми-пермяцкий (Пономарева 2016 : 159)

не додь не-мый не абу, куш сермӧт
CONJ сани NEG-что CONJ NEG только уздечка
'ни саней, ни ничего нет, только уздечка (для лошади)'

(32) Коми-язьвинский (Лыткин 1961 : 154)

о-з баит ни-май
NEG.PRS-3SG говорить.CN NEG-что
'не говорит ничего'

Это наводит на мысль о не исконном происхождении коми слова *ńinget* 'ничто, ничего', что, разумеется, требует изучения, в частности, выяснения времени его появления в коми языке. Отмечу лишь, что ему и особенно его диалектному варианту вым. *нимӧн*, иж. *нимен* есть поразительно похожие структурно-семантические соответствия в чувашском (*нимӗн*, *ним* 'ничто, ничего'), марийском (*нимом* 'ничего' < АСС. от *нимо* 'ничто') и саамском (*нимэн* 'ничего' < GEN, АСС от *ними* 'ничто') языках. Они образованы стандартно, по русской модели (рус. *ни-* + исконное интеррогативное местоимение со значением *что*), и только коми слово имеет темную структуру.

3. *n*-овые префиксы обско-угорских отрицательных местоимений *ne/net-* ~ *nē/nēt-*

Изложенная версия дает еще один повод усомниться в этимологическом родстве коми и угорских отрицаний (коми **-net*, обско-угор. *net-* ~ *nēt-*, венг. *net*) и полностью противоречит реконструкции в финно-пермском, а значит и финно-угорском праязыке как отрицания **n*, так и усилительной частицы **net*, состоящей из указательного и вопросительного местоимений.

Возможно, такая частица была в угорском праязыке, хотя реконструкция угорского этимона также вызывает вопросы. Они неоднократно поднимались в научной литературе, прежде всего в связи с венгерским отрицанием, которое отличается от отрицания в других финно-угорских, в том числе обско-угорских, языках.

Венгерский язык утратил древний тип финно-угорского отрицания, заменив отрицательный глагол с основой **e-/a-* (< ур. **e-*) частицей *net* с функциями маркера общего отрицания (Honti 1997 : 82). Считается, что исторически частица была усилительной, но пройдя так называемый цикл Есперсена, сначала приобрела отрицательное значение, затем была переосмыслена в вербальный негатор и, наконец, полностью вытеснила исконный отрицательный глагол (Van Alsenoy, van der Auwera 2015). Трактовка происхождения частицы соответствует типологии явления, однако в данном случае важна хронология процесса. Есть мнение, что этимологический предшественник венг. *net* уже в угорский период имел значение 'не, нет', поскольку обско-угорские языки имеют когнат в виде маркера отрицательных местоимений (Honti 1997 : 164). В пользу этого, казалось бы, говорит тот факт, что обско-угорские языки, как и венгерский, почти утратили отрицательные глаголы, превратившиеся в частицы (Основы 1974 : 326, 328; Соловар, Черемисина 1994; Ромбандеева 2017 : 184—185).

Однако авторы MSzFE предполагают, что *n*-овая частица в угорский период еще не была отрицательной. В дальнейшем, видимо, она приняла участие в образовании таких неопределенных местоимений, как *némi* 'что-то', *néhol* 'где-то, кое-где', *néki* 'некоторый' и т. д.,²³ но отрицательным словом, скорее всего, она стала в древневенгерском языке (MSzFE 465).

К. Гуган попыталась визуализировать этот процесс на материале древневенгерских текстов. Она тоже сомневается в связях венгерского отрицания *net* с маркером обско-угорских местоимений *net-* ~ *nēt-* и реконструкции их общей отрицательной функции. Процесс грамматикализации частицы в этой функции, по-видимому, завершился только в древневенгерский период. Маркер отрицательных местоимений *sem-* появился также во времена первых письменных памятников в результате слияния *net* с аддитивной частицей *is*. Следовательно, появление маркера отрицательных местоимений в северных обско-угорских диалектах и отрицательной частицы в венгерском — независимые инновационные процессы. Со ссылкой на Rédei 1970 она допускает возможность реконструкции общей для угорских и пермских языков местоименной час-

²³ К. Е. Майтинская считала эти местоимения образованными с помощью заимствованной из славянских языков частицы *ne* (1969 : 250). Они напоминают мордовские диалектные примеры (13), в которых неопределенные местоимения с рус. *ne* тоже используются только в неотрицательных предложениях.

тицы *ne-*, которая в северных обско-угорских диалектах могла получить отрицательную функцию (Gugán 2012 : 95—96).

Поскольку, как отмечалось (п. 1.5), отрицательные местоимения с префиксом *net-* ~ *nēt-* есть только в части обско-угорских диалектов, а именно — в северо-хантыйских и северо-мансийских говорах (18б,в) и (19а), возникла версия об их происхождении из коми языка (Kertész 1933 : 197; Sal 1951 : 216—217). В частности, М. Кертес пишет, что северная локализация обско-угорских частиц не может быть случайностью, а поскольку северные манси имеют прямые контакты с коми, они могли перенять ее из коми языка и передать северным ханты (Kertész 1933 : 197).

Возвращаясь к темному коми слову *ńingm* 'ничто' (п. 2.2), понятно, что, несмотря на фонетическую близость, элемент **ngm* из его состава не может быть источником обско-угорских префиксов *net-* ~ *nēt-*. Может быть, источником было коми местоимение *ńet* 'ничто, ничего'? М. Кертес приводит его как этимологический вариант элемента *-ngm* (Kertész 1933), а авторы КЭСК реконструируют особое общепермское слово **ńgm* 'ничто' (КЭСК 187), хотя нет никаких препятствий считать его аллегро-формой слова *ńingm* с тем же значением. Сравните:

(33) Коми-зырянский (Федюнева 2008 : 325).

- (а) *сійӧ нинӧм э-з вай*
3SG ничего NEG.PST-3SG нести.CN
'он ничего не принес'
- (б) *сійӧ нем э-з вай*
3SG ничего NEG.PST-3SG нести.CN
'он ничего не принес'

На это указывают палатальный *n*, семантическая близость и аналогичное словоупотребление. Они абсолютно взаимозаменяемы, с той лишь разницей, что *ńet* более характерно для спонтанной (стремящейся, как известно, к краткости) речи. Более того, в коми-пермяцких и некоторых коми-зырянских диалектах используется только краткая форма (34):

(34) Коми-пермяцкий (КПРС 270)

- (а) *нем-ӧн о-г вермы отсавны*
ничто-INS NEG.PRS-1SG мочь.CN помочь.INF
'ничем не могу помочь'
- (б) *сёйны ни пасьтавны нем э-з вӧв*
есть.INF CONJ одеть.INF ничто NEG.PST-3SG быть.CN
'ни еды, ни одежды — ничего не было'

Так или иначе, превращение коми слова *ńet* 'ничто' в префикс обско-угорских отрицательных местоимений выглядит неубедительно уже потому, что для подобного преобразования нужно время, а также само слово, следов заимствования которого ни в мансийских, ни в хантыйских диалектах нет. Имеются и фонетические препятствия: коми мягкий *ń* во всех позициях и во всех диалектах соответствует мансийскому и хантыйскому *ń* (Rédei 1970a : 22, 129).

Наиболее доказательной представляется версия Э. Вертеш, которая считает префиксы *net-* ~ *nēt-* инновацией северных обско-угорских говоров. Она отмечает, что в хантыйском языке отрицание *ne-* встречается только с местоимением *moliti* 'что-то' и его вариантами в переходных от

северных к южным говорам. Оно не используется для образования местоименных наречий, которые получают отрицание с помощью отрицательных местоимений. Последовательно отрицательные местоимения и наречия образуются только с помощью отрицания *net-* и только в этих переходных говорах. Появление отрицательного префикса *net-* может быть результатом переразложения (вроде: *nēmalti molti* > **neməl molti* > *nemmolti*) и переноса его по аналогии на другие местоимения (Vértes 1967 : 179, 230—231). К сожалению, это не объясняет происхождение самого отрицания *ne-*, которое из-за непалатального *n* трудно объяснить русским влиянием. При этом, нет сомнения, что в обско-угорском диалектном пространстве бытуют отрицательные местоимения с русскими префиксами *ñe-*, *ñi-* более позднего происхождения, как это демонстрируют самодийские и другие языки Сибири (Фильченко 2013 : 30; Курилова 2013 : 61—62 др.), также находящиеся под влиянием русского языка.

На фоне распространения русских маркеров отрицания во всех российских финно-угорских языках нельзя не учитывать мощное влияние русского языка и на формирование обско-угорских и пермских отрицательных местоимений, по крайней мере, что касается их структуры и выработки (закрепления) отрицательного значения. Однако материальным источником рассмотренных *n*-овых элементов (п. 2.1 и 3) были собственные языковые средства, скорее всего, соответствующие усилительно-выделительные частицы.

Address

Galina Fedjuneva

Komi Science Centre, Institute of Language, Literature and History (Syktyvkar)

E-mail: gfedjuneva@mail.ru

Сокращения

ВВД — Верхневычегодский диалект коми языка. — Историко-филологический сборник. Вып. 10, Сыктывкар 1966; **ГВЯ** — Грамматика вепсского языка (фонетика и морфология), Ленинград 1981; **ГСУЯ** — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962; **ДСНЯ** — Диалектологический словарь ненецкого языка, Екатеринбург 2010; **ДСХЯ** — Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты), Екатеринбург 2011; **КарРС** — Карельско-русский словарь (северно-карельские диалекты), Петрозаводск 1990; **КПРС** — Коми-пермяцко-русский словарь, Москва 1985; **КРС** — Коми-русский словарь, Сыктывкар 2000; **ЛЭС** — Лингвистический энциклопедический словарь, Москва 1990; **МРС** — Мансийско-русский словарь (с лексическими параллелями из южно-мансийского (кондинского) диалекта), Ленинград 1958; **Основы 1974** — Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва 1974; **Основы 1975** — Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовский языки), Москва 1975; **Основы 1976** — Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки), Москва 1976; **РВС** — Новый русско-вепсский словарь, Петрозаводск 2007; **РКС** — Русско-карельский словарь (североно-карельские диалекты), Петрозаводск 2015; **РМЭС** — Русско-мокшанско-эрзянский словарь, Саранск 2011; **РУС** — Русско-удмуртский словарь, Ижевск 1942; **СГмЯ** — Словарь горномарийского языка, Йошкар-Ола 2008; **СКЯ** — Современный коми язык (фонетика и морфология), Сыктывкар 1955; **СМЯ** — Словарь марийского языка. Т. IV, Йошкар-Ола 1998; **СРС** — Саамско-русский словарь, Москва 1985; **УРС** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1983; **ЭРС** — Эрзянско-русский словарь, Москва 1949; **ЭССЯ** — Этимологический словарь славянских язы-

ков. Праславянский лексический фонд. Вып. 24, Москва 1997; **VES** — Vene-eesti sõnaraamat, Tallinn 1973; **VSS** — Uusi venäläis-suomalainen suursanakirja, Moskova 1990.

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; **ACC** — аккузатив; **ALL** — аллатив; **CN** — коннегатив; **CONJ** — союз; **DAT** — датив; **FUT** — будущее время; **GEN** — генитив; **ILL** — иллатив; **IMP** — императив; **INDEF** — показатель неопределенности; **INE** — инессив; **INF** — инфинитив; **INS** — инструменталь; **NEG** — отрицание; **PAR** — партитив; **PL** — множественное число; **POSS** — поссесивный показатель; **PRS** — настоящее время; **PST** — прошедшее время; **PTCL** — частица; **PTCP** — причастие; **SG** — единственное число.

Языки и диалекты: **бес.** — бесермянский (удм.); **вах.** — ваховский (хант.); **вв.** — верхневычегодский (комиЗ); **венг.** — венгерский; **вепс.** — вепсский; **вод.** — водский; **вост.** — восточные говоры; **вым.** — вымский (комиЗ); **иж.** — ижемский (комиЗ); **ижор.** — ижорский; **казым.** — казымский (хант.); **кар.** — карельский; **комиЗ** — коми-зырянский; **кильд.** — кильдинский диалект саамского языка; **конд.** — кондинский (хант.); **комиП** — коми-пермяцкий; **крупф.** — красноуфимский (удм.); **комия** — коми-язьвинский; **кукм.** — кукморский (удм.); **манс.** — мансийский; **мар.** — марийский; **марГ** — горномарийский; **марЛ** — лугомарийский; **мокс.** — мокшанский; **нч.** — нижнечепецкие говоры (удм.); **обско-угор.** — обско-угорские языки; **праслав.** — праславянский; **рус.** — русский; **сев.** — северные говоры; **скр.** — присыктывкарский (комиЗ); **сосьв.** — сосвинский (манс.); **сс.** — среднесысольский (комиЗ); **уд.** — удорский (комиЗ); **удм.** — удмуртский; **ур.** — уральский праязык; **ф.-у.** — финно-угорский праязык; **фин.** — финский; **хант.** — хантыйский; **чув.** — чувашский; **шурыш.** — шурышкарский (хант.); **эрз.** — эрзянский; **эст.** — эстонский; **южн.** — южные говоры.

ЛИТЕРАТУРА

- Агафонова Н. А. 1983, Словоизменение существительного и местоимения в смешанных мордовских говорах Куйбышевской области. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту.
- Агранат Т. Б. 2007, Западный диалект водского языка, Москва—Гронинген.
- Айхенвальд А. 1978, Статус отрицательных конструкций в прибалтийско-финских языках. — Языковая практика и теория языка. Вып. 2, Москва, 104—119.
- Бродский И. В. 2008, Самоучитель вепсского языка, Санкт-Петербург.
- Вайнрайх У. 1979, Языковые контакты. Состояние и проблематика исследования, Киев.
- Ермакова О. П. 2010, Существуют ли в русском языке отрицательные местоимения? — Известия РАН. Серия языка и литературы. Т. 69, № 2, Москва, 56—59.
- Ермушкин Г. 1968, Северо-западные говоры эрзя-мордовского языка. — Очерки мордовских диалектов. Т. 5, Саранск, 318—382.
- 1984, Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык), Москва.
- Зайков П. М. 1999, Грамматика карельского языка (фонетика и морфология), Петрозаводск.
- Игнатьева Е. И. 2005, Деривация отрицания в марийском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Йошкар-Ола.
- Каксин А. К. 2010, Казымский диалект хантыйского языка, Ханты-Мансийск.
- Кельмаков В. К. 1998, Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография, Ижевск.
- Керт Г. М. 1971, Саамский язык (кильдинский диалект). Фонетика. Морфология. Синтаксис, Ленинград.
- Ковылин С. В. 2014, К проблеме множественного отрицания в восточных диалектах хантыйского и южных диалектах селькупского языка. —

- Вестник Томского государственного педагогического университета 2014. Вып. 10 (151), 106—113.
- — 2016, Отрицательные бытийные предикаты *nietu*- 'отсутствовать' и *nietu* 'нету' в центральных и южных диалектах селькупского языка. — Сибирский филологический журнал, № 4, 255—264.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. 1980, Очерки по селькупскому языку (тазовский диалект), Москва.
- Курилова С. Н. 2013, Заимствованные элементы в местоименной лексике юкагирского языка. — Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия Филологические науки. Т. 84, № 9, Волгоград, 59—64.
- Лыткин В. И. 1961, Коми-язьвинский диалект, Москва.
- — 1995, Коми кывлӧн исторической морфология, Пермь—Сыктывкар.
- Майтинская К. Е. 1969, Местоимения в языках разных систем, Москва.
- — 1979, Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков, Москва.
- — 1982, Служебные слова в финно-угорских языках, Москва.
- — 1989, Местоименные и служебные слова. — Финно-волжская языковая общность, Москва, 175—262.
- Надькин Д. Т. 1968, Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка. — Очерки мордовских диалектов. Т. 5, Саранск, 3—199.
- Насибуллин Р. Ш. 1978, Наблюдения над языком краскоуфимских удмуртов. — О диалектах и говорах южноудмуртского наречия, Ижевск, 86—151.
- Падучева Е. В. 2017 Отрицательные местоимения-предикативы (на *ne*). На правах рукописи, Москва. http://rusgram.ru/pdf/negative_pronouns.pdf.
- Пономарева Л. Г. 2016, Речь северных коми-пермяков, Москва.
- Попова Э. Н. 2015, Союзы и союзные средства в коми языке, Сыктывкар.
- Ромбандеева Е. И. 2017, Современный мансийский язык (лексика, фонетика, графика, орфография, морфология, словообразование), Тюмень.
- Серебрянников Б. А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
- — 1971, Об одном тюркизме в финно-угорских языках Волго-Камья. — СФУ VII, 188—192.
- Сибатрова С. 2004, Отрицательные местоимения и наречия с морфемой *ни-* в марийском языке. — Финно-угроведение, № 1, Йошкар-Ола, 46—59.
- Словарь В. Н., Черемисина М. И. 1994, Выражение отрицания в хантыйском языке. — LU XXX, 35—46.
- Терешкин Н. И. 1961, Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1. Воховский диалект, Москва—Ленинград.
- Терещенко Н. М. 1947, Очерки грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка, Ленинград.
- — 1973, Синтаксис самодийских языков (простое предложение), Ленинград.
- Федюнева Г. В. 2008, Первичные местоимения в пермских языках, Екатеринбург.
- — 2016, Свое и чужое в структуре отрицательных местоимений пермских языков. — Пермистика-16. Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками, Сыктывкар, 153—157.
- Фильченко А. Ю. 2013, Отрицание в восточнохантыйских и южноселькупских диалектах. — Урало-алтайские исследования, № 1 (8), 55—99.
- Цыпанов Е. А. 1995, Отрицательный инфинитив в коми языке. — Грамматика и лексикография коми языка, Сыктывкар (Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН. Вып. 58), 132—140.
- Чернявский В. 2008, Ižoran keel (Ittseopastaja). Ижорский язык (Самоучитель). <http://lingvisto.org/files/ingrian.pdf>.
- Щемерова В. С. 1972, Отрицание в мордовских языках. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва.

- Alv re, P. 2002, Russische Lehnelemente in Indefinitpronomen und -adverbien der ostseefinnischen Sprachen. — LU XXXVIII, 161–164.
- Arkhangelskiy, T. 2014, Clitics in the Beserman Dialect of Udmurt. — Basic Research Working Papers. Series: Linguistics. National Research University Higher School of Economics. Department of Philology, Moscow, 1–20.
- Blokl and, R. 2012, Borrowability of Pronouns: Evidence from Uralic. — Finnisch-Ugrische Mitteilungen 35, 1–34.
- Fincziczky I. 1930, A vogul névmások. — NyK XLVII, 365–398.
- Gugán, K. 2012, Zigzagging in Language History: Negation and Negative Concord in Hungarian. — Finno-Ugric Languages and Linguistics. Vol. 1, No. 1–2 (2012), 89–97.
- Haspelmath, M. 1997, Indefinite Pronouns, Oxford.
- Honti, L. 1997, Die Negation im Uralischen. — LU XXXIII, 81–96, 161–176, 241–252.
- Kahrel, P. 1996, Aspects of Negation. PhD dissertation, Amsterdam.
- Kertész, M. 1933, Zur Frage der finnisch-ugrischen Verneinung. — Liber Semi-saecularis Societatis Fenno-Ugricae, Helsinki (MSFOu LXVII), 190–199.
- Paasonen, H. 1926, Ostjakisches Wörterbuch nach den Dialekten an der Konda und am Jugan, Helsingfors.
- Rédei, K. 1970, Kiellon ilmaismisen alkuperästä unkarissa. — Vir., 47–51.
- 1970a, Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen, Budapest.
- Sal, É. 1951, Az obi-ugor tagadó névmások. — NyK LIII, 210–219.
- Van Alsenoy, L., van der Auwera, J. 2015, Indefinite Pronouns in Uralic Languages. — Negation in Uralic Languages, Amsterdam, 517–546.
- Vértes, E. 1967, Die ostjakischen Pronomina, Budapest.
- Wagner-Nagy, B. 2011, On the Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic Languages, Helsinki (MSFOu 262).
- Willis, D. 2013, Negation in the History of the Slavonic Languages. — The History of Negation in the Languages of Europe and the Mediterranean, Oxford, 341–398.

GALINA FEDJUNJOVA (Söktövkär)

PERMI KEELTE *n*-ILISED EITUSVORMID SOOME-UGRI REKONSTRUKTSIOONIDE KONTEKSTIS

Soome-ugri ja samojeedi keelte eitusmarkerite hulgas on *n*- ja *n*-elemente, mis pole üheselt tõlgendatavad. Enamik neist on vene eituspartiklite *ne* ja *nu* laenamise tulemus, kuid permi ja ugri keeltes on *n*-ilisi eitusvorme, mida on vene mõjuga raske seletada. Need on permi eitavate asesõnade eesliide *ne-* ~ *no-*, komi asesõnad *n**i*-*nem*, *n**em* 'mitte midagi', obiugri eitavate asesõnade prefiks *ne-/nem-* ~ *nē-/nēm-* ja ungari eituspartiklid *ne* ja *nem* 'ei, mitte', milles on erinevalt vene laenudest palataaliseerimata *n*. Nende päritolu kohta on esitatud kaks vastandlikku hüpoteesi: 1) nad on soome-ugri (uurali) päritolu ja 2) soome-ugri (uurali) algkeeles *n-* ~ *n*-eitus ei olnud. Neid hüpoteese on autor püüdnud kontrollida ennekõike permi keeleainese põhjal, mis seni ei olnud üksikasjalikku käsitlemist leidnud, aga millest algsaame-ugri (alguurali) *n*-eitusrekonstrueerimine otseselt sõltub. Vaadeldud keeleainest võimeldab teha järelduse, et *n*-eitus ei pärine soome-ugri ega isegi mitte soome-permi ega ugri algkeelest. Paljutootavam on iga keele puhul keelesiseste selgituste otsimine, võttes Venemaa soome-ugri keelte puhul arvesse vene keele jõulist mõju. Autori esitab permi *n*-iliste eitusvormide päritolu kohta oma versiooni, mis lähtub nendest soome-ugri keeltest, mis mitte ainult ei laenanud vene eitusvorme, vaid on ka moodustanud nende ja oma keele rõhupartiklite abil venemõjulised eitavad asesõnad. See on kaasa toonud soome-ugri eitussüsteemi osalise ümberkujundamise vene malli järgi.